

ИГРА С КОНВЕНЦИЯМИ В ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Игра с художественными конвенциями предполагает творческое переосмысление автором норм и традиций, закрепленных в литературной практике. Эта игра особенно значима в поэтических текстах с их подчеркнутой условностью. В статье сопоставляются стихотворные произведения, принадлежащие авторам разных литературных направлений (некрасовская школа 1860–1880 г.г., поэтический авангард 1930-х г.г.). Принцип сопоставительного анализа позволяет увидеть индивидуальность поэта и понять природу игры с художественными конвенциями.

Ключевые слова: литературная игра, художественные конвенции, поэзия русского реализма (И. З. Суриков), поэтический авангард (Д. Хармс).

Игра с художественными конвенциями предполагает творческое переосмысление автором норм и традиций, закрепленных в литературной практике. Диапазон игры с конвенциями широк — от пародирования нормы до ее стилизации. Роль литературной игры особенно значима в поэтических текстах с их подчеркнутой условностью. Опознать игру с конвенциями можно только на широком историко-культурном фоне. Эту непосильную для младшего школьника задачу поможет облегчить сопоставительный анализ произведений, связанных конвенциональными отношениями (в темах, образах, сюжетах

и т.д.). Сопоставление стихотворных текстов из разных литературных эпох — классического реализма (представлен И.З. Суриковым) и литературного авангарда (в лице Д. Хармса) дает представление об индивидуальности каждого из поэтов и особенностях игры с художественными конвенциями.

Стихотворение Ивана Сурикова «Детство» (1866) написано поэтом, принадлежавшим к некрасовской школе (среди ее представителей — И.С. Никитин, Д.Д. Минаев, А.Н. Плещеев). С именем Сурикова связано также творчество группы крестьянских поэтов. Характерными чертами творчества некрасовцев и суриковцев являются: социальная тематика, реалистическая конкретизация и сострадательная этика по отношению к народу. Тема детства в стихах поэтов этого направления служила продолжением народной темы. Стихотворение Некрасова «Крестьянские дети» было первым поэтическим изображением детей из народа. С играми крестьянское детство в стихотворении Некрасова не связано. Считалось, что игры и забавы — это привилегия дворянского ребенка (крестьянские дети живут ранним трудом). Поэтому в поэме Некрасова «Саша» на санках катается не крестьянский мальчик, а дворянская девочка («В зимние сумерки нянины сказки / Саша любила. По утрам в салазки / Саша садилась, летела стрелой, / Полная счастья, с горы ледяной»).

В стихотворении Сурикова «Детство» изображается катание на санках крестьянских детей, затем следует описание деревенской избы, далее поэтический пересказ сюжета народной волшебной сказки, который завершается пробуждением героя. В «Детстве» представлены три основные темы русской литературы для детей: детство, природа, деревня. Тематическая репрезентативность и простота выражения привели к тому, что «Детство» стало хрестоматийным текстом. Канонизации стихотворения Сурикова способствовало издание его в книгах для чтения в укороченном виде (без картин крестьянского быта и пересказа фольклорного сюжета, только катание на санках). В результате произошла переакцентовка смысла: картина крестьянского детства стала картиной русского детства вообще. Школьная прагматика получила читательскую поддержку, и усеченный текст (под названием «Вот моя деревня») закрепился в рецепции нескольких поколений. «В таком урезанном виде суриковское стихотворение отнюдь не воспринимается как фрагмент. Напротив, оно звучит вполне самостоятельно, показывая самые характерные приметы счастливого детства. Это и открыло ему путь к долгой жизни» (Неженец 1979: 135).

Стихотворение Сурикова написано трехстопным хореем. Полный текст стиха состоит из 23 катренов (школьный стих имеет 4 катрена), с перекрестной рифмовкой 2 и 4 строк и чередованием женских и мужских окончаний. Выбор ритмического рисунка не был неожиданным — такая стихотворная форма, начиная с лермонтовских «Горных вершин», получила распространение в русской литературе, и особенно в поэзии для детей. По словам М. Б. Гаспарова, «ритмическая простота побуждает к семантической простоте» (Гаспаров 1999: 70). Не случаен тот факт, что тема детства в поэзии второй половины XIX века нашла свое выражение преимущественно в 3-стопном хоре.

Жанр стихотворения Сурикова конвенционален для поэзии некрасовского направления — это бытовая зарисовка с автобиографическими отсылками. Указательное местоимение «вот», повторяющееся несколько раз, фиксирует пространственные ориентиры («Вот моя деревня, Вот мой дом родной») и организует действие во времени («Вот качусь я в санках», «Вот свернулись санки»). Реальность происходящего подчеркивается употреблением глагольных форм настоящего времени. Лексико-грамматические средства, передающие движение, превалируют над описанием, глаголы над прилагательными. Четверостишия представляют собой картины, динамично сменяющие друг друга.

Рассказчик имеет возрастную и социальную определенность — это крестьянский ребенок, участник событий. Сверхсхемные ударения в четырех первых четверостишиях падают на личные местоимения (мой, я, мне). Личный дискурс определяет эмоциональное состояние героя («мне... горе») и реакцию детского окружения («хочут над... бедой»). Близко стоящие «горе» и «беда» воспринимаются в контексте известной русской пословицы «горе — не беда», что соответствует принципам народной этики и отношениям в детской субкультуре.

Автобиографический дискурс дополняется позицией этнографа-наблюдателя. Середина 1860-х г.г. — это начало эпохи этнографических знаний и народоведения. Суриков точен в описании зимнего досуга крестьянских детей, проводивших много времени в подвижных играх вне дома. Этнографическая достоверность помогла Сурикову избежать свойственной крестьянским поэтам минорности («поэт горя и печали» — так называли Сурикова). Усеченная школьная редакция с акцентом на игре, а не на трудностях крестьянской жизни, еще больше подчеркивала мажорность. Так Суриков оказался

создателем литературного канона в изображении русского детства. Педагогические и образовательные практики советского времени завершили процесс канонизации стихотворения.

Когда Даниил Хармс опубликовал свое произведение «Как Володя быстро под гору летел» («Чиж» 1936, № 12), его предшественником в изображении катания на санках был Иван Суриков. Стихотворение «Детство» юный Дня Явачев знал по школьным хрестоматиям, так что переключки с суриковским каноном были предопределены. О том, как Хармс обращался с литературными канонами, написано много. Сошлемся на высказывание М. Б. Ямпольского: «С точки зрения Хармса, цитирование, пародирование, перевод — любую форму обработки предшествующего текста следует понимать как принципиальный разрыв со всем полем предшествующих значений» (Ямпольский 1998: 11). Разрыв с полем предшествующих значений касался и самого образа детского писателя. В этом смысле следует воспринимать декларативные заявления Хармса о нелюбви к детям (ведь любить детей — это тоже канон)². Нарушение канонов открывало возможности для литературной игры с художественными конвенциями.

Начало поэтической истории Хармса выглядит вполне традиционным. Стихотворение написано хореем, самым «детским» (по определению К. Чуковского) размером, но, в отличие от «Детства» Сурикова, четырехстопным. Увеличение стопности подчеркивает нарративность текста, повествовательность истории. Использование прошедшего времени глагольных форм также способствует этому (у Сурикова рассказ идет в настоящем времени). Главный участник катания по имени Володя не имеет возрастной и социальной конкретизации. Многократное повторение его имени только усиливает неопределенность. Замена сущности героя его именем — любимый прием Хармса. Коррелятом с детскостью служит обильное использование уменьшительно-ласкательных форм, но относятся они не к Володе, а к животным (собачка, лисичка) и предмету катания (салазки). Таким образом, катание на санках у Хармса перестает быть атрибутом собственно детства, что было главным посылом в стихотворении Сурикова.

Катание на санках теряет также временную и пространственную определенность, превращаясь в необыкновенный «случай» (излюбленная жанровая форма у Хармса). У Сурикова тоже случай, но ти-

---

²«Детоненавистничество было своеобразной «визитной карточкой» писателя (подобным образом он эпатажил многих своих слушателей, включая близких друзей» (Обухов, Горбушин 2012: 13).

повой: катание завершается падением с санок, после чего игра вновь продолжается. Иначе выглядит история катания у Хармса. Его герой, катаясь на салазках с горы, сталкивается с различными персонажами (охотник, собачка, заяц, лиса). Логическая связь между ними (охотник с собакой охотится на лесных зверей) разрушается с того момента, когда они оказываются участниками катания. Несовместимые в реальности (охотник и его потенциальные жертвы) объединены в игре, но это уже не реальное катание и не реальные санки. Детской забаве, представленной в подробностях бытовых деталей, в стихотворении Хармса пришел конец, но литературная игра от этого только выиграла.

Появление каждого персонажа сопровождается созданием новой строки, что ведет к наращиванию размера строфы. Традиционный катрен становится, в итоге, строфой из девяти строчек. Визуально размер строфы отражает «утяжеление» салазочек и усиление динамического напряжения. Этому же способствуют частые переносы со строки на строку, а также смена ритмического рисунка: вместо полнударного 4 стопного хорея появляется пеон. Пеоны — стихи более плавные, по сравнению с традиционными размерами. Скольжение усилено рифмой — тавтологической и однокоренной (летел-полетел, Володя-Володя), а также многократным повтором фразы «быстро под гору летел».

Повтору подлежит и указательное местоимение «вот», знакомое по многократному употреблению в стихотворении «Детство». У Сурикова это слово служит целям пространственно-временной конкретизации. У Хармса «вот» выполняет функцию зачина для перечисления участников катания.

Персонажи Хармса вводятся в текст по принципу кумулятивной сказки (присоединение однотипных элементов с увеличением). Цепочку завершает самый большой персонаж — медведь. Появление медведя в народной «Рукавичке» или «Теремке» означает полное крушение мира, комическую смерть. Нечто подобное происходит и с героем стихотворения Д. Хармса Володей. «И Володя с той поры / Не катается с горы». Падение в произведениях Хармса означает «выпадение из собственной природы» (Ямпольский 1998: 92) и попадание в смерть. Подобная трактовка концовки нарушает конвенции детской литературы с ее положительным настроем. Поэтому художник-иллюстратор Н. Радлов дал сюжету позитивное разрешение (охотник целится в медведя, а Володя убегает). Почему же тогда Володя «не катается с горы»? Опыт прочтения Хармса подсказывает другой от-

вет на этот вопрос. Все произведения, написанные писателем для детей, кончаются позитивно. Но позитив основан не на удачном исходе событий, а на торжестве словесно-художественной игры. В ее основе — звуковые и семантические повторы, магия ритма и необычная строфика. Б. Бухштаб писал: «правильное чередование тех же ритмических, синтаксических и формально-звуковых схем производит на детей чрезвычайно сильное впечатление» (Бухштаб 1931: 109). Это впечатление глубоко позитивное, жизнерадостное и творчески активное. По словам критика, «игра смысла и синтаксических форм возбуждает смех ребенка и стимулирует его внимание к словесным рассказам» (там же, 119).

Современников поражал успех Хармса в детской аудитории, когда поэт читал стихи «Про то, как папа застрелил мне хорька», «Удивительная кошка», «Игра». Убитый хорек, кошка, порезавшая лапу, мальчишки, встретившиеся с коровой, — все эти страшилки из стихов Хармса воспринимались детьми как безусловная победа слова над страхом, ритма над драматической реальностью. Отказавшись от правил реалистической «игры по Сурикову», Хармс стал автором литературной игры с художественными конвенциями.

Список литературы

1. *Бухштаб Б. Я.* О детской поэзии // Детская литература. Критич. сб. под ред. А. В. Луначарского. М. — Л., 1931.
2. *Гаспаров М. Б.* Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. — М.: РГГУ, 1999.
3. *Неженец Н. И.* Поэзия И. З. Сурикова. М.: Наука, 1979.
4. *Обухов Е., Горбушин С.* Удивить сторожа. Перечитывая Хармса. — М.: Икар, 2012.
5. *Ямпольский М. Б.* Беспмятство как исток (читая Хармса). — М.: Новое литературное обозрение, 1998.